

«Забавно, что война и мирная философия живут вместе»: военные письма И.В. Кузнецова

Кузнецова Наталия Ивановна

Созинов Иван Владимирович

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

В статье впервые вводится в научный оборот уникальный исторический источник – корпус писем советского философа и историка науки Ивана Васильевича Кузнецова (1911–1970), написанных им супруге и сыну в период 1941–1943 гг. Рассматриваемые материалы позволяют раскрыть не только бытовую сторону общения молодых людей, оказавшихся вдали друг от друга, но и особенности профессиональной коммуникации научного сообщества в период Великой Отечественной войны. На основании анализа документов, предпринята попытка реконструировать малоизвестный эпизод из биографии И.В. Кузнецова – редакторскую работу в издательстве технико-теоретической литературы, а также профессиональную карьеру Кузнецова – переход из сферы теоретической физики в область философии и истории естествознания. Делается вывод о важности изучения эпистолярного наследия философов и историков естествознания для понимания процессов институционализации истории науки и техники в СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, И.В. Кузнецов, Е.Б. Ермолова-Кузнецова, военные письма, эпистолярное наследие философов и историков науки

Цитирование: Кузнецова Н.И., Созинов И.В. «Забавно, что война и мирная философия живут вместе»: военные письма И.В. Кузнецова // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 2. С. 52-79

“It’s funny that the war and peaceful philosophy live side by side”: I.V. Kuznetsov’s letters from the war

Natalia I. Kuznetsova

Ivan V. Sozinov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is the first to introduce into scientific use a corpus of unique historical sources, the letters written by a renowned Soviet philosopher and historian of science, Ivan Vasilievich Kuznetsov (1911–1970), to his wife and son during the period from 1941 to 1943. The materials under consideration shed light on the everyday side of communication between the young couple, thrown far away from each other, as well as on some aspects of professional communication of a scientific community during the Great Patriotic War.

Based on the analysis of the documents, an attempt is made to reconstruct a little-known episode from I.V. Kuznetsov's biography – working as an editor for the publishing house of technico-theoretical literature – and a major shift in his professional career from theoretical physics to the philosophy and history of science. The conclusion is made about the importance of epistolary legacy of philosophers and historians of science for better understanding the processes of the institutionalization of the history of science and technology in the USSR.

Keywords: Great Patriotic War, I.V. Kuznetsov, E.B. Ermolova-Kuznetsova, war letters, epistolary legacy of philosophers and historians of science

Военная биография будущего известного философа и историка науки Ивана Васильевича Кузнецова (1911–1970) начинается уже в июне 1941 г, когда он оказался в рядах Красной армии. Первые месяцы войны он находился в Курске, вплоть до оставления города врагу 3 ноября 1941 г. Согласно данным из военного билета Ивана Васильевича, которые подтверждают его учетными документами периода работы в ЦК ВКП(б), на фронте Кузнецов находился в период с июня 1941 по февраль 1943 г. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Военный билет И.В. Кузнецова).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы и документы не позволяют со стопроцентной точностью реконструировать первые месяцы пребывания И.В. Кузнецова на фронте. Однако в нашем распоряжении имеются сведения из Информационной системы «Память народа», созданной департаментом Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Здесь содержится фотография из военного билета Ивана Васильевича, а также перечислены воинские подразделения, с которыми он был в той или иной мере связан (см. подробнее: (Кузнецов Иван Васильевич. Информационная система «Память народа»)).

Среди них 531 артиллерийский полк 89 стрелковой дивизии (первого формирования), которая была сформирована еще до войны и дислоцировалась в 1941 г. в городе Курске. Трагическая история дивизии, значительная часть которой погибла уже в августе 1941 г., в целом перекликается и находит отражение с устными воспоминаниями И.В. Кузнецова, которые были по памяти воспроизведены его дочерью Наталией Ивановной Кузнецовой в 2011 г. Осознавая все проблемы субъективности подобного источника, позволим себе воспроизвести небольшой фрагмент: «Немецкие войска напиралют, мы только отходим, и что здесь разведывать? Мне как начальнику разведки приходилось скакать вперед и искать место для

Рис. 1. Фото И.В. Кузнецова из Отчетной карточки на партбилет. 1942 г.
Источник: РГАСПИ.
Регистрационный бланк и отчетная карточка на партийный билет № 4879763 образца 1936 года

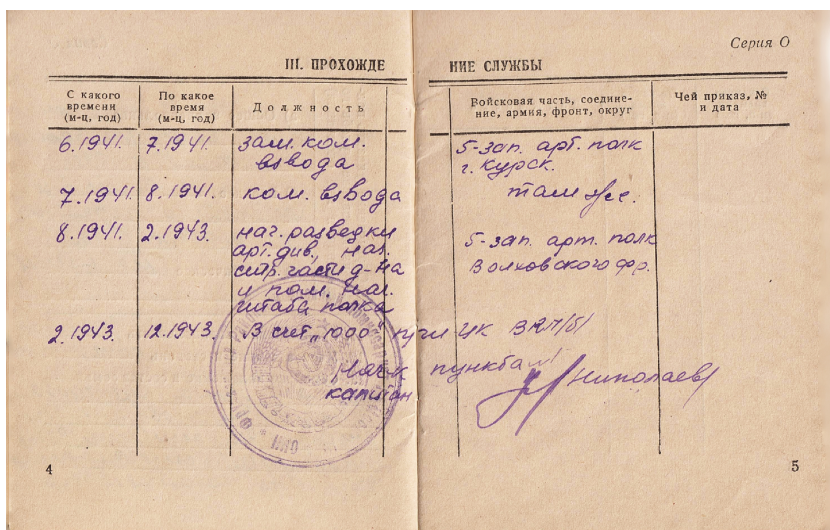

Рис. 2. Страница из Военного билета И.В. Кузнецова с информацией о прохождении военной службы. 1948 г.
Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

будущего расположения нашего полка. Найдешь, возвращаешься с докладом, и иной раз видишь только разбитые орудия и около них погибших бойцов и командира тоже. Помогаешь их похоронить и отправляешься на переформирование... Так и получилось, что я попадал на переформирование после гибели своего полка шесть раз... Чудом остался жив, и опять – на переформирование» (Кузнецова, 2012, с. 142). Ключевое слово здесь для понимания военной биографии Кузнецова – «переформирование», так как именно с этим связана дальнейшая его служба, связанная с подготовкой боевых дивизий для фронта.

Основное подразделение, в котором после первых трагических месяцев войны служил в последующем И.В. Кузнецов, – 5 запасной артиллерийский полк Волховского фронта. Запасные полки в период Великой Отечественной войны находились в тылу и занимались комплектованием и обучением подразделений, которые направлялись на передовую. То место, где он находился в это время, достаточно условно можно назвать тыловым. Речь идет о небольшом поселке Котово Окуловского района Ленинградской области, от которого до передовой Волховского фронта было порядка 40–60 километров.

Таким образом, на основании обозначенных документов мы можем выделить следующие этапы военной службы И.В. Кузнецова в период Великой Отечественной войны: заместитель командира взвода (июнь – июль 1941 г.), командир взвода (июль – август 1941 г.), начальник разведки, начальник стрелковой части, помощник начальника штаба полка (август 1941 – февраль 1943 г.) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 268364. Л. 3 об., 6.; РГАСПИ. Регистрационный бланк и отчетная карточка на партийный билет № 04598760 образца 1954 г.).

Одной из главных привилегий офицера запасного полка была возможность относительно регулярной переписки с друзьями и родственниками. Благодаря этому обстоятельству, И.В. Кузнецову удавалось иногда получать посылки, пересылать жене купленные книги и делать денежные переводы. В письмах к жене нет ни слова о трагичности первых месяцев войны. Напротив, тональность его писем очень спокойная, иногда кажется даже беззаботной. Насколько это возможно, он старается писать детально и обстоятельно. Таково, например, письмо от 24 сентября 1941 г.:

Солнышко мое, даже если и письма мои почему-нибудь задержатся, – знай, будь уверена, что все мои мысли с тобой, о тебе.

Как мне приятно чувствовать, что ты – моя! Как мне хорошо от счастья прожитых с тобой лет!

Дорогие мои Детки, поздравляю вас с днем рождения. Желаю вам всего самого лучшего в жизни. Хотелось бы прямо в руках принести вам это самое лучшее <...>¹

Ты спрашиваешь, надо ли мне сшить теплые штаны. Пожалуй, сшей. Пригодятся.

Дорогой мой Зверенок, твои денежные дела меня крайне беспокоят. Поговори с С.Г. [Суворовым] о какой-нибудь редакционной (внештатной) работе. Об этом мне напиши. Не сердись.

У нас появилась гитара. Я уже прослыл весьма хорошим гитаристом. Бывают вечера, когда наша палатка – полна звуков песен и народа. Среди прочего исполняются и такие чувствительные романсы как «синенький скромный платочек». Пусть тебе его Таня споет. Скажи, что я просил. Пусть она в Москве поет, а я ей здесь буду аккомпанировать... А когда-нибудь и в самом деле споем эту песенку.

Посылку я твою получил. Изюм (конечно, не без помощи товарищей) уничтожил весьма форсированными темпами. Понравился он мне (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 25.09.1941 г.).

Напомним, что это происходило в Курске, до сдачи которого оставалось чуть больше недели.

Благодаря Елене Борисовне, которая, несмотря на эвакуацию, послевоенные трудности и фактический развод с мужем весной 1943 г., сохранила эти письма, мы сегодня имеем уникальный исторический источник, который позволяет нам не только проследить фронтовой путь И.В. Кузнецова, узнать некоторые детали его военной службы, но и почерпнуть ценные свидетельства о военном быте, а также проанализировать небольшие философские наброски, сделанные И.В. Кузнецовым в этот период.

В нашем распоряжении имеется 82 фронтовых письма, отправленных И.В. Кузнецовым супруге Елене Борисовне Ермоловой-Кузнецовой (1913–1997). Три года назад они были переданы ее родственниками одному из авторов данной статьи – Наталии Ивановне Кузнецовой (дочери

¹ 25 сентября – день рождения жены Елены Борисовны, 27 сентября – сына Сережи.

Рис. 3. Е.Б. Ермолова-Кузнецова.
1931 г.
Источник: семейный архив
Н.И. Кузнецовой

И.В. Кузнецова от второго брака) и в настоящее время хранятся в ее семейном архиве. Письма Ермоловой-Кузнецовой своему мужу в настоящее время не обнаружены и считаются утраченными. Географически и хронологически письма распределяются следующим образом:

1. Курск – 3 письма (24.09.41 г. – 08.10.41 г.)
2. село Ендовище Воронежской области – 1 письмо (04.11.41 г.)
3. Воронеж – 1 письмо (10.11.41 г.)
4. Кирсанов Тамбовской области – 1 письмо (04.12.41 г.)
5. Ртищево Саратовской области – 6 писем (09.12.41 г. – 08.01.42 г.)
6. Казань – 1 письмо (13.01.42 г.)
7. Ярославль – 1 письмо (18.01.42 г.)
8. Череповец Вологодской области – 3 письма (27.01.42 г. – 01.02.42 г.)
9. Окуловка Ленинградской области – 1 письмо (10.02.42 г.)
10. Череповец Вологодской области – 5 писем (22.02.42 г. – 03.03.42 г.)
11. Боровичи Ленинградской области – 2 письма (08.03.42 г. – 16.03.42 г.)
12. Котово Ленинградской области – 57 писем (18.03.42 г. – 12.12.42 г.)
13. Свердловск – 1 письмо (11.01.43 г.)
14. Барнаул – 1 письмо (12.01.43 г.)
15. Куровское – 1 письмо (14.01.43 г.)
16. Москва – 2 письма (16.01.43 г. – 17.01.43 г.)
17. Пенза – 1 письмо (23.01.43 г.)
18. Чебаркуль Челябинской области – 1 письмо (29.01.43 г.)
19. Москва – 2 письма (25.03.43 г. – 14.05.43 г.)

Два последних письма, написанных И.В. Кузнецовым из Москвы, которые фронтовыми не являются, но помогают реконструировать события, произошедшие сразу после его возвращения с фронта, также являются неотъемлемой частью корпуса писем, сформированного его супругой, и не могут быть отторгнуты от него. Письма И.В. Кузнецова иным лицам, написанные весной 1943 г. и позже, мы не рассматриваем, так как к его службе в Красной армии они отношения не имеют².

Говоря о содержании писем, отметим: с одной стороны, они открывают перед нами прекрасную историю любви, наполненную многочисленными любовно-лирическими пассажами, которые рассказывают о чувствах двух молодых людей, в юности полюбивших друг друга и разлученных войной. Особый драматизм этой истории, конечно, придает ее финал –

² Прежде всего, речь идет о корпусе переписки И.В. Кузнецова с его второй женой Раисой Харитоновной (см. подробнее: (Кузнецова, 2010)).

предстоящее расставание, о котором пока молодые люди не ведают. С другой стороны, Иван Васильевич необычайно точно фиксирует детали своего пребывания на войне, поэтому многим письмам присущ стиль дневниковых записей, настолько ярко это позволяет реконструировать события. При этом не надо сбрасывать со счетов условия военной цензуры, когда не всю информацию можно было доверить бумаге, а также особенности характера Кузнецова – не жаловаться собеседнику на неприятности. Не это ли стало причиной, по которой в военном билете И.В. Кузнецова в графе об участии в Великой Отечественной войне стоит «не участвовал», хотя в других официальных документах данный факт зафиксирован?

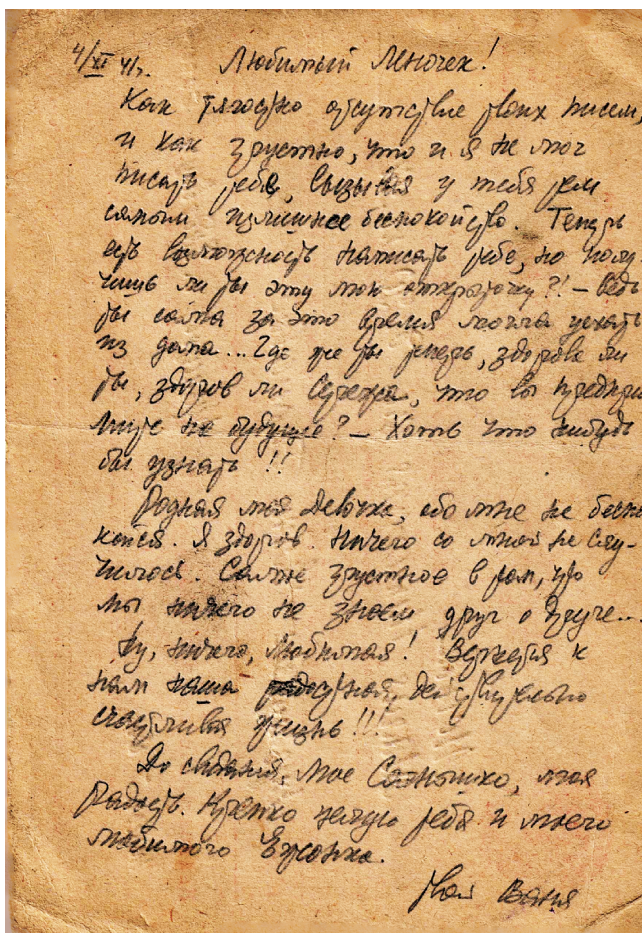

Рис. 4. Письмо И.В. Кузнецова супруге Елене Борисовне. Воронежская область. 1941 г.
Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

Как видно из писем, первая относительно длительная остановка Ивана Васильевича после того, как Курск был оставлен нашими войсками, стал город Ртищево Саратовской области, где он провел около месяца и готовился к передислокации в Камышлов Свердловской области. Именно в Свердловской области, в городе Кировграде находились в эвакуации Елена Борисовна и Сережа, и Иван Васильевич очень надеялся их повидать. Однако вместо Свердловской области он был отправлен в город Череповец Вологодской области, где вновь пробыл чуть больше месяца и именно здесь, в начале марта 1942 г. получил от супруги и матери *первые письма почти за 5 месяцев* (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 03.03.1942 г.). В период Великой Отечественной войны И.В. Кузнецов имел трех основных адресатов – родителей, супругу Е.Б. Ермолову-Кузнецову с пятилетним сыном Сережей и коллегу С.Г. Суворова.

«Мои бойцы присылают мне письма с фронта. Благодарят за науку»: будни армейской работы

18 марта 1942 г. написано первое письмо из поселка Котово Окуловского района Ленинградской области, где до декабря этого года будет находиться И.В. Кузнецов. Отметим, что в Окуловском районе, равно как и в Ртищеве, находились важные железнодорожные узлы, снабжавшие фронт и по этой причине подвергавшиеся регулярным бомбардировкам фашистской авиации. Только в Окуловке в период войны воздушная тревога объявлялась более 1500 раз (Страна Див, 2015, с. 290).

По данным энциклопедии Окуловского края: «Зимой 1941–1942 годов трудящиеся <...> через леса и болота проложили железнодорожную ветку Любытино – Неболчи, в результате чего появился обходной путь в направлении блокадного Ленинграда. По этим путям бесперебойно шли эшелоны с войсками, вооружением, боеприпасами, продовольствием» (Страна Див, 2015, с. 290). Также известно, что в Котово (19 километров от райцентра Окуловки) еще до войны находилась воинская часть (Страна Див, 2015, с. 184).

Мысли об уходе на фронт не покидали Ивана Васильевича, он не раз пишет жене об этом. *«Мое место там!»* – снова и снова повторяет он в письмах:

Вчера пришла твоя открытка от 8-го апреля.

Никак не пойму, как живут мои родители. Письма от мамы приходят редко, и они очень лаконичны там, где говорится о них самих.

А как хорошо теперь здесь всюду! Снег сошел. Только в укромных местечках остались обсосанные солнцем ноздреватые островки снега. И они с каждым часом становятся все меньше и меньше. Бабы пахут землю. Хвойные леса всюду раскидали свою вечную зелень, посвежевшую под солнечными лучами. Полноводная река шумит, прорываясь между корней и стволов затопленных ею кустов и деревьев. Безоблачная синева неба полна птичьих песен.

Правда, не одно это слышит наше ухо: нередко ловит оно иные, властные и суровые тона <...>

Я признаюсь тебе: я хочу на передовые линии. Неоднократно просился туда у командования. Мне отвечали, что то, что я делаю здесь – очень важное дело, и я оставался на месте. Теперь настойчивость моя усилилась. Я достигну своего. Право же, хочется поговорить с фашистскими сволочами языком орудийных залпов (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 25.04.1942 г.).

7 мая 1942 г Иван Васильевич писал:

Живу по-прежнему в этих симпатичных местах <...> Здесь очень хорошо. Теперь – в особенности. Снега совсем нет. Земля вполне подсохла. Всюду зеленеют леса (хвойные). По лесам, лощинам, как прыткие

змейки, шныряют речонки и ручьи. Лесные дороги в солнечный день безмерно радуют глаз и тревожат сердце: «как замечательно, как хорошо! ... но нет со мной моей Девочки...». И становится грустно.

Знаешь, Ленушка, не раз мне хотелось: потом, после войны, после нашей победы, показать тебе все эти чудесные места, где был я, и рассказать, как мечтал я о тебе. Кажется каждая дорожка, полянка, обрывистый берег реки мне подскажут тогда вновь все пережитое, перечувствованное.

А много хорошего, красивого видел я за эти месяцы. До чего же хороша наша Земля, наша Родина!

И чего бы ни стоило это нам – наша Земля будет по-прежнему наша!!!
(Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 07.05.1942 г.).

Уезжают товарищи. Вчера проводил троих. Уходят помощники, возвращенные мною за эти месяцы (теперь они наденут кубики), и наши дороги разойдутся.

Они уезжают на фронт. А я еще здесь! ??? (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 31.08.1942 г.).

Вчера была стрельба из орудия на полигоне. Стрелял и я. Скажу прямо: стрелял хорошо, хотя условия стрельбы были не простые. Седьмой и восьмой снаряды подняли блиндаж (мою цель) в воздух. В бою фрицам от меня – ей богу! – не поздоровится. В самом себе мне при этом понравилось то, что я не волновался, спокойно оценивал обстоятельства и действовал уверенно. Таковы мои дела. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 11.08.1942 г.).

С нескрываемой гордостью он писал о своих подопечных:

Мои бойцы присылают мне письма с фронта. Благодарят за науку, за все, чему учил их. Многие из них уже выросли в командиров. Воюют гвардейцами. Это о-очень большая наука. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 07.07.1942 г.).

Еще несколько писем, отправленных Елене Борисовне осенью 1942 г., позволяют убедиться в том, что в военные годы он активно использовал свое базовое образование – физика и военно-учетную специальность, полученную еще в годы студенчества в МГУ, – артиллерист. Кузнецов писал:

Милая Леночка! У меня большая радость. Кончился мой кандидатский срок, и я принят в члены партии.

Урывками (нет времени) работаю над одной теоретической вещью, имеющей немалое практическое значение. Она поможет нашим артиллеристам еще метче громить фашистскую сволочь. Часть работы

уже сделал. Передал куда следует. Испытываю огромное удовольствие: еще кое-чем помог нашему великому общему делу. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 05.10.1942 г.).

Кроме моих обычных служебных дел (а их много) у меня сейчас внеплановая работа: в голову пришло несколько недурных мыслей по моей военной специальности, и я, от всего урывая время, придаю им законченно-обработанный вид. Одна работа предварительно одобрена, перепечатана на машинке и собирается в долгое путешествие по родным инстанциям. Но уже почти готова вторая. И третья назревает в мыслях...

Сделанное – в сущности, элементарно, просто. Но оно поможет моим товарищам по военной специальности лучше делать свое дело. Приятно чувствовать, что то, чему учили, как-то не осталось мертвым грузом. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 14.10.1942 г.).

В обоих письмах подчеркивалось, что делает он это в свободное время. Работы много, но армейские будни не сводятся только к ней:

Моя жизнь идет нормально: давно регламентирована планом, расписанием, день нагружен до отказа. Работаю и работаю. В этом – все. Иногда вспыхивает страшная тоска по книгам, и тогда чуть ли не рыча набрасываюсь на философскую литературу. Захлебываясь, читаю поздно вечером и утром с зарей. Хочется спать, но бодрствую. Один из моих знакомых вчера, уезжая на фронт, увез с собой томик сочинения Дидро, которого мне так и не удалось здесь прочитать. Это очень обидно. Забавно: война и мирная философия живут вместе. Я долго еще буду вспоминать, как этот Дидро ускользнул из моих рук... Ну, ничего. Придет время – и я доберусь до него! (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 05.06.1942 г.).

«Ты пойми меня правильно»: семья и война

Этот постоянный мотив, настойчивое обращение к командованию – желание отправиться на передовые линии, – конечно, приводили в отчаяние Елену Борисовну. Можно легко догадаться о том, какими словами она уговаривает мужа, как горячо умоляет: «Подумай о нас, о родителях, ведь ты единственный их сын, подумай обо мне и нашем маленьком сыне. Оставайся там, где ты есть: ведь тебе говорят, что ты нужен, что то, что ты делаешь, очень важно для фронта». Он отвечает довольно большим письмом.

Любимая моя Леночка!

Сразу пришли три твои открытки и письмо от 5-го мая. До чего же тоскливо стало мне! Я не нахожу себе места. Я готов проклинать себя за то, что наваял на твою бедную головушку черные, тяжелые мысли.

Но не мог я не говорить тебе этого. И не мог я, и не могу сейчас думать иначе, чем так, как я писал тебе: мое место там!

Вот сегодня мои товарищи, мои подчиненные уходят на фронт. Они направляются в гвардейскую часть. Счастливики! Я завидую им. А я еще на старом месте. И вероятно долго еще буду здесь.

Ты пойми меня правильно. Я такой же, как прежде. Совсем юный же. Может быть, изменился только в одном: еще сильнее, отчетливее, осознал всю глубину любви к тебе. Я живу тобой. Только и думаю о тебе, о вас с Сереженькой. Я мечтаю о том, чтобы вернуться к тебе. Готов полжизни отдать за то, чтобы обнять твои колени, уткнувшись в них лицом и целовать, целовать тебя.

Но тем скорее я вернусь к тебе, чем скорее все мы освободимся от этой страшной опасности, мерзкой фашистской гадины.

Я хочу к тебе. Именно поэтому я так хотел на фронт. Именно так! Не надо грустить. Собери все свои силы. Не волнуйся. Вышвырни, отбрось тяжелые предчувствия. Мне это очень и очень понятно... Кажется, что твою боль чувствую я сам. Каждая твоя слезинка жжет огнем мое сердце... Но вытри свои милые глазки. Взгляни вперед, в будущее – оно принадлежит нам!

Один из моих товарищей москвич Цейтлин – нарисовал мой портрет, в то время как я занимался. В какой мере он похож – не знаю.

Моя Любимая! Я хочу еще и еще раз повторять: Я люблю тебя. Люблю больше всего на свете. Ты – моя радость, мое счастье. Солнце, лунная ночь, лес – все говорит мне о тебе, наполняет сладкой тоской и предчувствием счастливой поры, когда мы снова будем вместе. О тебе все мои мысли. Ты – моя мечта. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 20.05.1942 г.).

Поначалу самой мучительной для Ивана Васильевича была тревога из-за отсутствия писем родных из Москвы. Редкие весточки из дома вызывали бурю восторженных чувств и ответных ласковых слов. Потом наступила иная тревога: сумеют ли родные благополучно эвакуироваться из Москвы? Как доберутся, как устроятся? Как найдут адрес, чтобы сообщить ему? Как их поддержать, успокоить? Сам он находится в постоянных перемещениях. Уже октябрь 1941 г. Вот он пишет из Воронежской области:

Рис. 5. Портрет И.В. Кузнецова, выполненный Цейтлиным. 1942 г.

Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

Дорогая Леночка!

Как тягостно отсутствие твоих писем, и как грустно, что и я не мог писать тебе, вызывая у тебя тем самым излишнее беспокойство. Теперь есть возможность написать тебе, но получишь ли ты эту мою открыточку?! – Ведь ты сама за это время могла уехать из дома...

Ну, ничего, любимая! Вернется к нам наша радостная, действительно счастливая жизнь!!! (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 04.09.1941 г.).

Два октябрьских письма 1941 г. отправлены из Воронежа, остальные – с дороги – из Красноуфимска, Ртищева Саратовской области, Кирсанова Тамбовской области, Ярославля. Пролетает сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, от родных писем нет.

Мои дела идут хорошо. Я здоров. Обо мне не беспокойся. Я еще в дороге, и мне писать пока некуда. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 10.09.1941 г.).

Как грустно, что ничего нет от тебя... Хоть бы одно словечко услышать! Я сейчас еду в Красноуфимск <...> Как жаль, что ты не поехала туда вместе с издательством!!! Что же подделаешь... (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 20.09.1941 г.).

Дорогая Леночка!

Где ты? Я жив и здоров. Сейчас в пути – еду и еду... Пишу из Кирсанова Лен. ж.д. Через некоторое время буду в Ртищеве. В конце концов приеду в Красноуфимск. Но когда это будет – не знаю (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 04.12.1941 г.).

Когда же что-нибудь получу от тебя? – Ведь уже давно ни словечка не приходило. Пока еще я в дороге – еду и еду (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 09.12.1941 г.).

Я измучен неизвестностью. Отправлял тебе много писем и телеграмм, и все никак не могу связаться с тобой. Где же ты? Обо мне не беспокойся – я вполне здоров, даже здоровей, чем прежде.

Родители тоже ничего не отвечают. О них я тоже ничего не знаю. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 21.12.1941 г.).

Можно теперь только восхищаться самоотверженной работой почты военных лет: рано или поздно адресаты находят друг друга!

Милая Леночка!

Наконец-то отыскался твой след! Сколько пришлось понервничать и поволноваться о вас... Впрочем, чувство беспокойства и сейчас еще не покинуло меня: здоровы ли вы, все ли у вас с Ежиком благополучно?

Я здоров. Обо мне не беспокойся. В Ртищево я только временно. Но ты пиши по адресу, который написан на обороте и кроме того (одновременно) по адресу: г. Камышлов, центральная почта, до востреб. В Камышлове я буду примерно через месяц. Он недалеко от Свердловска. Если ты в Кировграде, то мы с тобой, может быть, увидимся. Пиши. Пиши. Сегодня я уезжаю из Ртищева в Камышлов Свердловской области. Пиши мне пока по адресу: Камышлов, Свердловской обл., почта, до востребования.

Если ты успеешь, то телеграфируй мне в Свердловск, вокзал, до востребования. Если ты к тому времени, как я буду в Свердловске, будешь в Кировграде, то я постараюсь заехать к тебе. Самое главное для меня – знать, что ты приехала, жива и здорова, как и здоров наш Сергунчик. Так или иначе, мы увидимся!

Родная моя Леночка! Хочется увидеть тебя, Сережу. Целовать. Писем так давно от тебя нет, что мое сердце совсем превратилось в маленький сухой комочек от тоски по тебе и Сереже. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 08.01.1942 г.).

Обо мне, Леночка, не беспокойся. Все будет хорошо. Единственное, что мне сейчас недостает – это твоих милых писем. Как я был бы счастлив, получив их и узнав, что вы живы, здоровы, помните вашего папу и по-прежнему любите его. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 18.01.1942 г.).

Дорогая Леночка. Писать почти нет сил – я намучился, ожидая твоих писем. Пиши скорее. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 28.01.1942 г.).

Какая радость – я получил от тебя несколько живых, милых словечек, твоих, написанных твоею рукою! Я одурел от радости. Говорил о твоей телеграмме товарищам. Читал, перечитывал ее. Снова читал. И подолгу глядел на дорогое слово: ЛЕНА, стоящее в конце телеграммы. Вечером взял гитару и много и с настроением играл, думая, мечтая о тебе. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 22.02.1942 г.).

Как же хочется теперь высказать все, что накопилось за эти тревожные дни разлуки и неизвестности:

Вчера был хороший день – наш красноармейский праздник. Замечательный приказ т. Сталина с утра, как солнце, осветил этот день, и он действительно стал праздничным.

Праздновали, как могли, кустарно и просто: выпускали стенгазеты. Проводили митинги, слушали и смотрели нашу собственную художественную самодеятельность. Под вечер при свете «коптилки», сжавшись в тесный круг вокруг маленького пламени, пели песни.

Да, Леночка, мы жили с тобой хорошо. Но жить будем потом, когда вернусь к тебе, после войны еще лучше <...> Впрочем, обо всем этом мы поговорим с тобой потом. Как много ты должна мне рассказать! Мне хочется увидеть каждый твой день. А увидев, задуматься и погрузиться. Но это уже будет очищающая душу грусть о прошедшем и пережитом.

Как много накопилось, что хочется сказать, как трудно найти слова о том самом важном, что увидел и узнал за первые военные месяцы. И вот – как главное из пережитого опыта – такое неожиданное признание:

Мы многое пережили, и еще переживем, но изменился я, пожалуй, в одном: я стал больше и сильнее любить людей. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 24.02.1942 г.).

В феврале 1942 г. наступила хоть какая-то определенность: Иван Васильевич уже точно знает, где находится жена и сын. Он, хоть и нечасто, получает письма, и его ответные письма находят адресата:

Любимый Леночек, радость моя!

В открытке, отосланной тебе сегодня же, я уже писал, что получил от тебя и от мамы письма – первые письма почти за 5 месяцев!

Я истосковался без твоих писем. Мысли одна за другой лезли в голову. Мережилось самое нехорошее, что могло только случиться с вами. Случалось среди ночи просыпаться от назойливо сверлящих сознание вопросов: что же с вами, где вы? – Я стал недоверчив, почти мнителен во всем, что касалось вас. Вот поэтому я и не верил, что ты в Кировграде, когда мама мне сообщила твой адрес. Мне думалось: ты поехала в Кировград, но доехала ли ты туда, не застряла ли где по дороге и проч. и проч.

Вот теперь, когда пришло твое письмо, написанное тобой, – все это кончилось. Мое Солнышко снова стало светить мне ласково и тепло.

Милая, милая моя девочка! – мне хорошо, по-глупому хорошо сейчас. Несколько страничек твоих писем меня согрели, приласкали.

Помнишь ты тот день, когда я уезжал из дома? – Ты положила в рюкзак мне новенькие носовые платочки, политые какими-то духами. Платочки эти долго лежали в самом низу, на самом дне мешка. Но теперь дошла очередь и до них, хотя мне было очень жалко их трогать. Запах духов хорошо сохранился. Когда я взял эти белоснежные платочки в руки, запах этот так живо и удивительно сильно напомнил мне тебя. Воспоминания, сладкие, дорогие, нахлынули вдруг. Многое припомнилось. И все – такое хорошее, милое... Каждый раз, как беру я платочек, я улыбаюсь тебе... Милые ручки, подарившие мне эти платочки!

Обо мне не беспокойся. Я здоров. Тепло одет. Что мне не хватает – так это твоих писем. Но уже это не твоя вина, а скорее моя: так все

складывалось, что я успеваю переехать в другое место еще до того, как придет от тебя хоть что-нибудь, хоть одно словечко. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 03.03.1942 г.).

Очень жаль, что наверно уже долго не получу от тебя писем. Отъезд мой совсем близок. Вчера послал тебе бандеролью том сочинений Маяковского, томик прозы Лермонтова и кое-что изданное из его стихов. Книги эти приобрел в пути. Бросать их жаль. А всего сейчас взять с собой невозможно. Думаю, что тебе эти книги будут приятны.

Солнышко мое, любимая девочка! Люблю тебя. Очень люблю... Все пережитое с тобой нами вместе – такое хорошее, удивительно хорошее, что одна мысль о нем делает меня счастливым. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 08.03.1942 г.).

В марте 1942 г., кажется, наступает ясность, хотя это пока не известно младшему лейтенанту Кузнецову: он прибыл в распоряжение своего подразделения на Волховском фронте и задерживается на одном месте.

Милый Леночек!

Пиши мне по адресу: Ленинградская обл., Окуловский р-н, п/о Котово, до востребования. Я, правда, не уверен, что успею получить твое письмо, – вряд ли я буду здесь долго. Но ты все же пиши мне, может быть и получу. А получить твое письмо – большая радость...

Обними Сереженьку за меня покрепче и скажи, что папа его очень любит. Пусть пишет для меня побольше писем и рисует картинки. Некоторые пошли мне, а часть собери в тетрадочку. Я буду их читать и смотреть, когда вернусь. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 18.03.1942 г.).

Любимая моя Девочка!

Снова жду твоих писем! Когда-то они еще будут? А до чего же они нужны сейчас мне – как воздух пловцу, нырнувшему под воду и долго пробывшему там... Я здоров. Работаю очень много, что, конечно, естественно. Время летит страшно быстро.

Милый Леночек, а ведь уже весна! Скоро 1-е мая. Как приятно вспомнить московские Первомайские демонстрации и... твои замечательные пироги. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 28.03.1942 г.).

Что-то долго нет от тебя писем?!... И скучно и грустно поэтому. Очень нужны твои и Сереженькины письма (он уже теперь, видно, бо-ольшой грамотей)! (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 12.04.1942 г.).

Как оказалось – ничего для меня на почте нет. «Ах, не солгали б предчувствия мне...» – помнишь, как Утесов пел свой «пароход»? (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 22.04.1942 г.).

Дела мои идут по-прежнему, т.е. дел много, времени мало, но ничего – справляюсь неплохо. Здоров. Кожа рук и лицо очень загорели. На висках, за ушами и по переносице – белые полосы от очков. Когда снимаешь очки, получается смешно. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 16.07.1942 г.).

«Пишу тебе из «дали»... Впрочем, моя даль сейчас всюду – где я сам»: армейские будни

Как уже отмечалось, пребывание И.В. Кузнецова в 5 запасном полку, который базировался на Волховском фронте в районе поселения Котово Окуловского района, затянулось на несколько месяцев. Теперь его письма напоминают дневниковые записи, в которых можно увидеть многие трогательные детали армейского быта того времени – иногда драматические, но чаще лирические и даже комические. Кроме того, он заботливо наставляет жену, которая не приучена к трудностям самостоятельных решений, постоянно дает ей советы, для пятилетнего сына пишет печатными буквами небольшие послания, требует, чтобы он прочитал их самостоятельно, без подсказки. И, конечно, мечтает о том, чтобы скорее вернулись прежние, мирные и счастливые дни:

Пишу тебе из «дали»... Впрочем, моя даль сейчас всюду – где я сам, там и дом мой.

Я сейчас в небольшой командировке. Не очень дальней и совсем недолгой. Но доволен этой, хотя бы и кратковременной, обязаловкой.

Воспользовался случаем и купил кучу книг. Когда удастся почитать их, это уже дело иное. Но утерпеть не мог. Одну из них пришлю тебе – учебник новой истории: интересная и полезная вещь. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 01.07.1942 г.).

Через два дня праздник. Как, бывало, хорошо его встречали! Когда-то теперь удастся вновь по-прежнему отпраздновать его?... Но уж зато, когда соберемся вместе – за все отпразднуем. За победу, за пропущенные праздники! За любовь, которая крепнет в разлуке! – За все сразу.

Вот будет жаркое дело, а?

Я один выпью две бутылки портвейна, черт возьми!

Ну, да ладно. К этому вернемся, когда будет сделано самое основное. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 29.04.1942 г.).

Что касается моего адреса, то пока еще он не переменялся. Но может и перемениться... Об этом при первой же возможности я тебя извещу.

Уже скоро год как я тебя и Сережу не видел!

За зиму я очень загорел. Удивительно до чего черны руки, щеки, шея, нос. А прежде-то бывало так, что за зиму весь загар сходил, и лицо делалось таким же белым, как ростки картошки, прорастающей в

темном подвале. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 05.05.1942 г.).

Майские пейзажи окрестностей воинской части в поселке Котово так колоритны и описаны лейтенантом Кузнецовым так ярко, что чем-то напоминают буйство чувств и переживаний Дмитрия Оленина из «Казаков» Л.Н. Толстого, а смешные и трогательные истории о рабочих лошадках артиллерии интересны не только пятилетнему сынишке.

До чего же хорошо стало всюду вокруг! Даже тучи злющих комаров не могут скрыть радостной, свежей красоты природы. Бешено отмахиваемся от этой «камарильи», всецело занятой своей работой, я тем не менее краешком глаза замечаю удивительную голубизну неба, изумрудную зелень лугов, лесов, манящую тень деревьев, – люблюсь ими; краешком уха слышу самозабвенное щебетание птиц и даже звучит кукованье кукушки – наслаждаюсь ими <...> На лугу, на траве безжизненно распластались разморенные солнцем лошади. Где-то на пастбище благоденствует и моя «Тигра» – невысокая, сильная лошадка, отличающаяся крайне недружелюбным отношением к своим подругам. При первой же возможности, особенно, когда все едят овес, она внезапно и хищно набрасывается на своих соседок, пытаясь укусить их. В остальном она неплохая лошадь. На скаку входит в азарт и тогда – одно удовольствие мчаться на ней. Впрочем, у нее есть еще один недостаток: она плохо берет препятствия.

Но и я в этом деле весьма не силен. Однажды при прыжке я едва позорно не вылетел из седла. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 29.05.1942 г.).

Жизнь моя идет по-прежнему однообразно и очень перегружено. Но бывают и свободные часы. В один из них купался в местной речушке. До чего же хорошо! Удивительно быстрая реченька. Я был почти бессилен справиться с ним [течением]. Но кое-как держался.

Вчера был у нас концерт силами самодеятельности. Получилось очень неплохо. Кое-что из музыкальных вещей заставили погрузить даже (напр. «не брани меня, родная...»). (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 08.06.1942 г.).

Мой дорогой, мой Любимый Леночек!

Любовь, нежность к тебе переполняет меня всего. Чувство какого-то радостного беспокойства волнует и тревожит...

Высокий крутой обрыв. У ног моих – вершины сосен и берез. Я – над ними. Далеко внизу, подо мной – голубая лента реки, тускло просвечивающая в тенистой сети ветвей. Вдруг, словно оттолкнувшись от высокой стены берега, река круто сворачивает в ровную красивую долину. Здесь она нестерпимо ярко блещет солнцем, миниатюрно повторенным в каждой струйке воды... свежий ветер свободно треплет

ветви деревьев, лес шумит задумчиво и однообразно... В синей дали утопает взор...

Хорошо! Ах, как хорошо!

*Губы шепчут все одно и то же: «Дорогая, любимая Девочка... Лена...»
Имя твое повторяю беспрестанно. Наслаждаюсь им... (Семейный архив
Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 09.05.1942 г.).*

... Значит, простокваша и пряники немножко приукрасили ваши праздники? Приятно. Но жаль, что мало... Ну, ничего! Я верю, что скоро придет пора вздохнуть легко и свободно. Не так уже долго ждать этого дня. Соберемся снова своим маленьким семейством и забудем про все невзгоды. Заживем как прежде... Нет! – лучше. Я уверен: лучше.

Как я любить буду вас! Заботиться о вас! Дышать вами! До чего же будет хорошо!

Ты спрашиваешь, долго ли я еще здесь пробуду. Вот этого-то сказать никак не могу. Поживем, увидим. Впрочем, многие мои прежние товарищи уже уехали. Пишут мне с фронта. Недавно уехал и Крепс. Помнишь его? С Андреевым мы еще вместе. Он – в точности такой же, что и прежде: голубоглазый и меланхоличный. Вместе можем уехать на Запад, на фронт. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 16.05.1942 г.).

Ничего не могу поделать с собой: как только случится свободная минутка, набрасываюсь на философию. Таких книг здесь, конечно, весьма мало. Но то, что есть, мне прочитать очень трудно. В моем распоряжении лишь считанные минуты. Но сколько планов будущей работы возникает в моей голове, тоскующей о такой работе! Сколько дел, интересных и важных, роятся в голове. Кажется, когда кончится война, и я приеду к тебе, я, как озверелый, наброшусь на свои книги и буду работать как черт. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 15.06.1942 г.).

Вчера достал гитару и долго играл. Это уже было ночью. Ночи здесь совсем светло-белые. Звезд не видно. Отсвет зари видится на небосклоне. И тихо-тихо гитара «плакала». И мы – нашлись желающие послушать меня – грустили понемножку. Вспоминали своих жен, свои семьи...

После долго не мог заснуть. Отмахивался всячески от своих мыслей, но они все лезли и лезли в голову. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 18.06.1942 г.).

У меня есть один курсант по фамилии Каракулов. Я долго почему-то не мог запомнить ее и называл его по фамилии, предварительно прошептав про себя стихи Чуковского.

«А акула Каракула

Правым глазом подмигнула...»

Только так и выходил из положения. В сущности, получалось смешно. Вызываю его:

– Товарищ... – а в голове мгновенно вспыхивает: «а акула Каракула...». Но он этого, конечно, не знал. Иначе обиделся бы.

МИЛЫЙ СЕРЕЖА, ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ КРЕПКО. МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛИСЬ ТВОИ КАРТИНКИ. ПИШИ МНЕ ПИСЬМА.

ДО СВИДАНИЯ. ТВОЙ ПАПА (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 23.06.1942 г.)

Вчера получили подарки от рабочих Ивановской обл. Кроме всего прочего – воротничков, мыла, зубного порошка – там была и 40 градусная. В дружной компании, после дневной работы мы ее распили. Зазвучал смех, шутки, подчас и очень соленые, песни. Вспоминали минувшее. Думали о тех, кто нам все это прислал. А между тем день угас. Впрочем, об этом можно было узнать, только взглянув на часы: по-прежнему алело небо там, где скрылось солнце, по-прежнему было так светло, что почти можно было читать.

Появилась гитара. Но не игралось мне. Все казалось, что она фальшивит. А хотелось играть тихое, ласковое, нежное-нежное, чтоб каждый звук пел и говорил о любви. Истерзанную и ненужную, бросил гитару.

Мама прислала еще письмо. В нем – две карточки: ее и отца. Как молодое она выглядит! Она все занята хозяйственными делами. Побывала в своей деревне. Посмотрела на то, что наделали фашистские мерзавцы. Пишет, что крестьяне наши с хлебом поступили очень умно и немца вполне перехитрили. Хлеб попрятали, а скот угнали. Теперь хлеб извлекается на свет божий из потайных ям, и его довольно много. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 26.06.1942 г.).

Гитара приносит мне здесь почти что славу, хоть и играть приходится редко. Но, конечно, ни в каких концертах я не участвую. Зачем? – публика сама приходит ко мне, когда начинаю играть. Но играю я только для себя. Злой эгоист – я имею в виду только себя и свои собственные чувства, когда сам грущу и заставляю грустить гитару.

Бедная гитара! Ей изрядно попало: в боку ее зияет теперь черная дыра и трещина. Она попала в ненадежные руки (не один я со своими товарищами получил подарки!), и теперь она глуха и неотзывчива к моим переживаниям, как я ни стараюсь. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 29.06.1942 г.).

У меня все по-старому. Только начинают накапливаться философические наброски. Выбрасывать их жалко. Может быть, они еще в жизни пригодятся. Как-нибудь соберусь и начну понемногу пересылать их

тебе. У тебя они целее будут. Но ты не пугайся. Это тяжесть небольшая – несколько тетрадных страниц. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 04.07.1942 г.).

Расскажи Сереже, что лошадь моя, которую звали Тигрой, уехала воевать. Хорошая была лошадь! Иногда, входя в азарт, мы с товарищами устраивали гонки, и моя «хищная» Тигра не подводила меня. Теперь у меня новая лошадь – Ткачиха. На рыси у нее ноги движутся как-то странно – болтаются справа-налево, вроде челнока ткацкой машины. Уж не поэтому ли ее прозвали Ткачихой? – Но и Ткачиха не плохая лошадь, хотя я и вынужден, сидя на ней, частенько вспоминать свою Тигру. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 22.07.1942 г.).

Ты стала настоящим лесорубом! Представляю, как ты выглядела в этом боевом убранстве! Вероятно, ты была как смешной колхозный мальчишка, отчаянно машущий топором, чтобы выполнить свою норму. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 02.08.1942 г.).

Итак, ты собираешься стать мастером цеха? Вот это да!

МИЛЫЙ СЕРЕЖА. ДОРОГОЙ МОЙ МАЛЬЧИК! Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И МНЕ ПРИЯТНО ПОЛУЧАТЬ ТВОИ ПИСЬМА И КАРТИНКИ.

ПИШИ ПОБОЛЬШЕ.

ДО СВИДАНИЯ. ЦЕЛУЮ ТЕБЯ.

ТВОЙ ПАПА (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 07.08.1942 г.).

Что касается младенцев, т.е. твоей работы в детсаду, то, по-моему, было бы вовсе неплохо, если бы ты так и осталась [работать] в садике. Я уверен, что ты все же справишься бы с этими «неорганизованными» крошками и приобрела бы опыт, который очень понадобился нам, когда мы с тобой после войны принялись бы за организацию своего собственного детсада. А за организацию этого «учреждения» я намерен взяться весьма серьезно. Ну, вот ты и подготовишь к тому времени опытную и теоретическую базу. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 17.09.1942 г.).

Сегодня у меня свободный вечер. Тихо. Я сижу один. Теплая, симпатичная комната. Большое окно, завешанное плащ-палаткой. Стол, покрытый листом белого картона. Девятилинейная керосиновая лампа. Уютно тикают часы. Мой товарищ спит. Чуть слышно его ровное дыхание. Я сижу за столом. Слушаю, как тикают часы (увы! – не мои, моих уже нет). Смотрю на чуть мигающее пламя лампы. И думаю. Думаю о тебе. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 12.12.1942 г.).

Иван Васильевич находил время и для размышлений над философскими проблемами новейшей физики. Эти философские заметки – несколько страничек – он переслал Елене Борисовне, и они сохранились. Он пишет:

Не ругай меня, что посылаю тебе свои философские заметки. Это – недодуманный до конца плод немногих свободных минут. Когда вернусь к тебе и своей прежней работе, они, быть может, пригодятся. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 13.07.1942 г.).

По своему содержанию эти заметки представляют собой попытку осмыслить достижения современной физики сквозь призму «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» Энгельса. Это не конспект работ Энгельса, а именно попытка осмыслить в рамках категорий философской материалистической диалектики проблемы причинности, закон сохранения и превращения энергии, неуничтожимость материи, вопросы абсолютности и относительности пространства и времени. Совершенно очевидно, что его научные интересы уже шире, чем прежние занятия в области теоретической физики, несмотря на его искреннее восхищение замечательными результатами неклассической науки. Теперь его полностью захватывает жажда их философского осмысления. И мы знаем, что в дальнейшем работа в области философии естествознания станет для Ивана Васильевича основной творческой задачей.

«Издательство осиротело без него и без меня»: И.В. Кузнецов и С.Г. Суворов

Как уже говорилось, одним из основных адресатов фронтовых писем Ивана Васильевича был Сергей Георгиевич Суворов, который сыграл огромную роль в жизни и научной карьере Кузнецова.

Теперь нам придется вернуться на некоторое время назад – к событиям довоенным. 4 апреля 1941 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Хороший учебник физики» (Путилов, 1941, с. 4), рассказывающая о новом издании для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, подготовленном Государственным издательством технико-теоретической литературы (авторы А.И. Бачинский и С.М. Ильяшенко) (Бачинский, Ильяшенко, 1941). Рецензия включала обилие положительных пассажей: «<...> учебник <...> во

Рис. 6. И.В. Кузнецов и С.Г. Суворов в ЦК ВКП(б).
После 1943 г.
Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

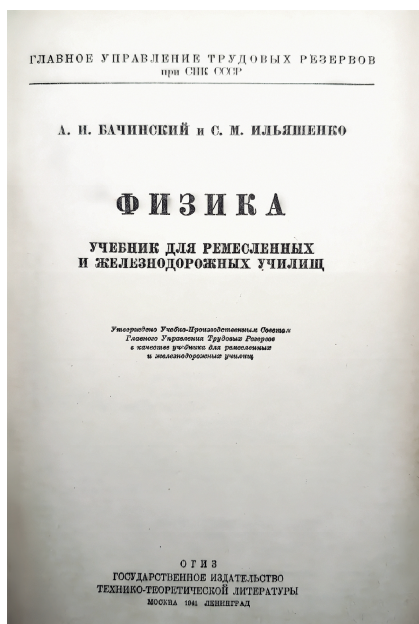

Рис. 7. Титульный лист учебника физики для ремесленных и железнодорожных училищ, подготовленный при участии И.В. Кузнецова. 1941 г.

всех отношениях удовлетворяет перечисленным требованиям», «большим достоинством учебника является насыщенность его умело разобранными вычислительными примерами», «иллюстрации хороши по замыслу и своей оригинальностью» и многое другое. В завершение разбора автор рецензии К. Путилов резюмировал: «Нет необходимости в данной рецензии писать о подмеченных нами <...> мелких, случайных недочетов (так! – Н.К., И.С.) <...>. Они не меняют основного – высокого научного уровня учебника, полного соответствия его учебным целям» (Путилов, 1941, с. 4).

Мы обращаем внимание на эту публикацию в «Правде», так как в ней отмечалась роль не только авторов учебника, но и редактора И.В. Кузнецова, что было достаточно редким для того времени, когда имя редактора указывалось мелким шрифтом рядом с данными о тираже и объеме книги. Для профессиональной

биографии Ивана Васильевича выпуск учебника стал важным событием, так как способствовал его назначению на должность главного редактора Государственного издательства технико-теоретической литературы в апреле 1941 г. Неслучайно в «Правде» был упомянут тот факт, что учебник для ремесленных училищ создан, утвержден и издан всего за 4 месяца (организация этого как раз и входит в круг обязанностей редактора), что «в итоге привело к продукции лучшей, чем значительная часть тех книг, которые неспешно «подрабатываются и прорабатываются» годами» (Путилов, 1941, с. 4).

Данная характеристика работы Кузнецова находит подтверждение и в словах главного редактора Гостехиздата С.Г. Суворова, который, объясняя «слабое участие» Ивана Васильевича в общественной жизни издательства, упоминал «напряженную работу над учебником для ремесленных училищ» и многомесячную болезнь, во время которой Кузнецов перенес три операции (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 268364. Л. 10 об.). Отметим, что упомянутый учебник был достаточно востребован, нам известно о четырех изданиях: первое издание 1941 г. (тираж 150 тысяч экземпляров), второе – 1942 г. (стереотипное, тираж 25 тысяч экземпляров), третье – 1947 г. (переработанное, тираж 200 тысяч экземпляров), четвертое – 1952 г. (исправленное и дополненное, тираж 40 тысяч экземпляров). И.В. Кузнецов являлся редактором в первых двух изданиях, третье редактировал С.А. Каменецкий, четвертое – Е.Д. Щукин.

Карьера И.В. Кузнецова в издательстве официально начиналась в 1937 г. после завершения учебы в аспирантуре физического факультета МГУ. Однако фактически сотрудничество началось, по меньшей мере, в конце 1935 г., когда он вошел в число авторов «Физического словаря» – пятитомника, который издавался в 1936–1939 гг. под редакцией профессора П.Н. Беликова (Физический словарь, 1936; Физический словарь, 1937а; Физический словарь, 1937б; Физический словарь, 1938; Физический словарь, 1939). Для «Физического словаря» Иван Васильевич подготовил 13 статей. Можно предположить, что Кузнецова пригласил в авторский коллектив его научный руководитель, известный физик, профессор Юрий Борисович Румер, который являлся тогда членом редколлегии «Физического словаря» и редактором отдела «Теоретическая физика» Главной редакции технических словарей.

К апрелю 1941 г. И.В. Кузнецов прошел значительный карьерный путь: внештатный редактор (1937), штатный редактор (январь – сентябрь 1938), старший редактор (сентябрь 1938 – апрель 1939), главный редактор (апрель – июнь 1941)³. Редактирование учебника физики для ремесленных училищ и подготовка статей для «Физического словаря» были не единственными проектами И.В. Кузнецова в период его довоенной работы. Нам также известно об участии Ивана Васильевича в девятом издании учебника физики В.А. Михельсона, для которого он переработал (фактически переписал) раздел «Молекулярная физика и термодинамика» и участвовал в редактировании второго тома учебника (совместно с С.А. Шорыгиным и Г.Н. Кольченко) (Михельсон, 1938а; Михельсон, 1938б; Михельсон, 1939; Михельсон, 1940).

Именно во время работы в издательстве происходит знакомство с Сергеем Георгиевичем Суворовым, общение с которым Иван Васильевич будет поддерживать всю жизнь. Напомним, что в период Великой Отечественной войны у И.В. Кузнецова было три основных адресата, одним из которых был С.Г. Суворов. О близком и доверительном знакомстве с ним, Иван Васильевич писал своей супруге в декабре 1942 г., вспоминая:

Однажды в пору первого знакомства он угостил меня вином. Он пригласил меня домой. По дороге купил бутылку какого-то вина.

³ Обратим внимание, что когда в статье говорится об издательстве технико-теоретической литературы, то имеется в виду обобщенное название, которое используется авторами, во-первых, для унификации стиля, во-вторых, чтобы не отвлекать читателей интересной и немного запутанной темой, связанной с историей издания технической литературы в СССР. Отметим, что И.В. Кузнецов начал карьеру в ГОНТИ – Государственном объединенном научно-техническом издательстве Наркомата тяжелой промышленности СССР (до августа 1939 г.), а продолжил в Гостехиздате – Государственном издательстве технико-теоретической литературы Объединения государственных книжно-журнальных издательств при Совете народных комиссаров СССР (с августа 1939 г.). Сотрудничество и внештатная работа Кузнецова проходили в Объединенном научно-техническом издательстве НКТП СССР (в 1937 г.) (см. подробнее: (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 268364. Л. 10)).

Чокнувшись, мы выпили по рюмке. Затем по другой. Скрывая изумление, с видом тонких ценителей вина, крикнули. Налили по третьей, делая вид, что все очень хорошо и вино замечательное. Лишь на четвертой не выдержали и стали отплевываться. Вместо вина в бутылке была какая-то прокисшая водица, даже без запаха. Обозлившись, мы побежали в магазин и [набросились на] заведующего. В конце концов мы заставили его хлебнуть этой водицы, и он признал, что «здесь что-то не тово», и выдал нам новую бутылку. На этот раз все было в порядке. Был и вкус и запах (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 12.12.1942 г.).

Именно к Суворову он советует обратиться Елене Борисовне для поиска подработки или иной помощи в трудных обстоятельствах начала войны (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 24.09.1941 г.; Письмо И.В. Кузнецова, 25.04.1942 г.).

Из военных писем И.В. Кузнецова мы узнаем, что мысли о судьбе издательства редко покидали его на фронте. 30 июля 1942 г. он, не скрывая радости, пишет Елене Борисовне, что наладил переписку с Суворовым, который присылает

обстоятельные письма, из которых как на ладони вырисовывается гостехиздательская эпопея <...> Мне это очень приятно. Чем больше думаю я о моей прошлой работе, тем все яснее чувствую, какой хороший коллектив людей был у нас. Работать бы и работать! (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 30.07.1942 г.).

Оказавшись по долгу службы в Окуловском районе Ленинградской области, где еще с дореволюционных времен находилась известная бумажная фабрика (на бумаге которой, кстати, было напечатано девятое издание учебника В.А. Михельсона), Иван Васильевич ностальгически вспоминает:

Живу <...> сравнительно недалеко от ст. Окуловка, с которой когда-то («в добрые довоенные времена») мы получали бумагу для нашего издательства. Правда, окуловская бумага не была чересчур хороша. Но в последний год радовались даже ей. Да еще как радовались! Получив лишние 1/2 – 1 тонну, считали, что одержали блестящую победу. Но это все – в прошлом. Когда-то еще снова к этому вернемся! (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 07.05.1942 г.).

Узнав в августе 1942 г. о назначении С.Г. Суворова в ЦК, Иван Васильевич, будучи под впечатлением от этого, написал жене: «...просто дух захватывает, когда подумаешь, какие перспективы перед ним раскрыты» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 16.08.1942 г.), при этом в скором времени радостные эмоциональные переживания сменяются досадой: «... издательство он [С.Г. Суворов]

совсем бросил и даже не написал, в чьи руки он его сдал» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 05.09.1942 г.). Осенью того же года он отправляет Суворову свои предложения к плану изданий на 1942 год, и тот отвечает, что «они хорошо приняты, но не знаю, будут ли реализованы» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 25.10.1942 г.). В то же время Иван Васильевич в письме супруге констатировал: «...издательство осиротело без него и без меня» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 25.10.1942 г.).

Однако, как теперь очевидно, С.Г. Суворов хотел «сдать издательство» в руки как раз И.В. Кузнецова и многое сделал для его отъезда с фронта. Благодаря сохранившемуся в семейном архиве Н.И. Кузнецовой отпускному билету ее отца, нам известно, что 25 декабря 1942 г. И.В. Кузнецов был отправлен в отпуск до 15 января 1943 г. Целью увольнения было посещение Кировграда Свердловской области, где жили в эвакуации его жена Елена Борисовна и сын Сергей, а затем прибытие «по новому месту назначения в Москву» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Отпускной билет № 68 И.В. Кузнецова). В столицу Иван Васильевич приехал вечером 14 января и пробыл там около недели. В двух письмах, отправленных супруге, он упоминал, что помимо посещения своих и ее родственников дважды встречался с С.Г. Суворовым (15 и 16 января 1943 г.) (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 16.01.1943 г.). Эту первую встречу 15 января следует считать одним из важных событий для личной жизни Ивана Васильевича, так как именно в служебном кабинете Суворова он впервые встретится с Р.Х. Нечепуренко, которая в скором будущем станет его второй женой (Кузнецова, 2010, с. 329–335). (Решение уйти от Елены Борисовны он примет в апреле 1943 г., на момент знакомства Раиса Харитоновна была вдовой с двумя малолетними детьми и собиралась замуж за другого человека.) Однако до самой кончины в 1997 г. Елена Борисовна была верным и самоотверженным другом всей новой семьи Ивана Васильевича. Он также никогда не оставлял ее своей поддержкой, советами, участием. Дети (теперь их пятеро) – настоящий детский сад, о котором он мечтал в 1942 г., – росли все вместе и никогда не считали себя «полукровками».

В это московское отпускное время Иван Васильевич успевает посетить предыдущее место работы, о чем сообщает Елене Борисовне:

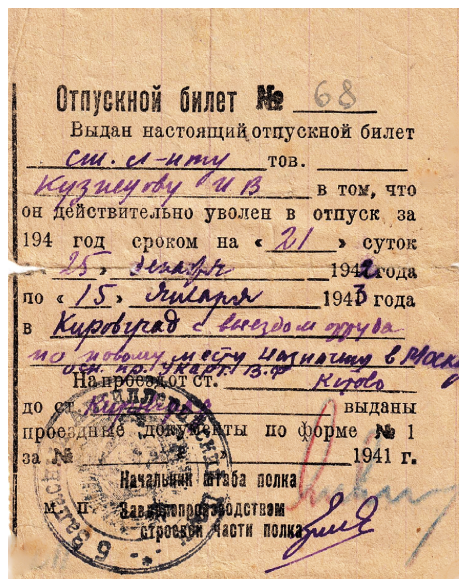

Рис. 8. Отпускной билет, выданный И.В. Кузнецову начальником штаба 5 Запасного артиллерийского полка. 1942 г.
Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

В изд-ве очень хорошо встретили меня – просто трогательно. (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 17.01.1943 г.).

Из Москвы И.В. Кузнецов «с группой товарищей», как он выразился в письме, отправился в Чебаркуль, где в годы Великой Отечественной войны формировалось большое количество военных соединений для фронта. Сначала планировалось, что он пробудет в Чебаркуле около года, однако уже 29 января писал о грядущем переезде «очень недалеко» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Письмо И.В. Кузнецова, 19.01.1943 г.).

В феврале 1943 г. И.В. Кузнецов был официально отозван с фронта по решению ЦК в рамках так называемой «1000» (Семейный архив Н.И. Кузнецовой. Военный билет И.В. Кузнецова). До августа 1943 г. он являлся инструктором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а в августе 1943 г. утвержден главным редактором Государственного издательства технико-теоретической литературы ОГИЗа при СНК СССР.

Рис. 9. Письмо И.В. Кузнецова супруге Елене Борисовне. Чебаркуль. 1943 г.
Источник: семейный архив Н.И. Кузнецовой

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы И.В. Кузнецова свидетельствуют о дальнейших вехах его биографии: 1945–1946 гг. – зав.

сектором Управления пропаганды ЦК ВКП(б), 1946–1947 гг. – зам. зав. отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), январь 1948 – июнь 1948 г. – зав. отделом физики и геофизики Главной редакции Большой советской энциклопедии, июнь 1948 – июль 1949 г. – научный сотрудник Института философии АН СССР, июнь 1949 – январь 1954 г. – зав. сектором философии естествознания Института философии АН СССР, 1954–1956 гг. – зам. директора, и.о. директора Института истории естествознания и техники АН СССР, с 1956 г. – зав. сектором философских проблем естествознания Института философии АН СССР (РГАСПИ. Регистрационный бланк и отчетная карточка на партийный билет № 04598760 образца 1954 г.; ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 11. Д. 58. Л. 4 об.). В 1945 г. Кузнецов Иван Васильевич был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В первые послевоенные годы научные интересы И.В. Кузнецова окончательно оказываются в сфере философии и истории естествознания и официально зафиксированы в его «Учетной карточке научного работника» в

D0%BB%D1% 8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87% 26date_birth_from%3D07.09.1911%26static_hash% 3Dbfa9be7ab01a1ad6f07b41570d760449b3573f3600cdcbc1aa8742bd494516397v7%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat% 3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_done_seniya_o_poteryah% 3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter% 3Apotery_spiski_zahoroneni%3Apotery_voennoplen% 3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1% 26grouppersons%3D1&. (дата обращения: 01.03.2025 г.)

5. Кузнецова Н.И. «Времена не выбирают...» К 100-летию со дня рождения И.В. Кузнецова // Человек. 2012. № 4. С. 134–147.

6. Кузнецова Р.Х. Унесенные за горизонт. М.: Новый хронограф, 2010. 640 с.

7. Михельсон В.А. Физика. Т. I. Механика. Молекулярная физика. Термодинамика. Издание 9-е, переработанное и дополненное. М.; Л.: Государственное объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР, Редакция технико-теоретической литературы, 1938. 335 с.

8. Михельсон В.А. Физика. Т. II. Электричество. Оптика. Строение атома. Издание 9-е, переработанное и дополненное. М.; Л.: Государственное объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР, Редакция технико-теоретической литературы, 1938. 366 с.

9. Михельсон В.А. Физика. Т. I. Механика, акустика, молекулярная физика. Издание 10-е, полностью переработанное. М.; Л.: ОГИЗ, Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1939. 456 с.

10. Михельсон В.А. Физика. Т. II. Электричество, оптика. Издание 10-е, полностью переработанное. М.; Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1940. 656 с.

11. Путилов К. Хороший учебник физики // Правда. 1941. 4 апреля. № 93. С. 4.

12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 268364.

13. Семейный архив Наталии Ивановны Кузнецовой.

14. Страна Див: Энциклопедия Окуловского края. СПб.: Петрополис, 2015. 551 с.

15. Физический словарь. Т. I. Аббе теория – Гюгоньо уравнение. М.: Главная редакция технических энциклопедий и словарей, ОНТИ НКТП СССР, 1936. 896 с.

16. Физический словарь. Т. II. Давление воздуха – Коллекторы. М.: Главная редакция технических энциклопедий и словарей, ОНТИ НКТП СССР, 1937. 864 с.

17. Физический словарь. Т. III. Коллиматор – Ошибок теория. М.: Главная редакция технических энциклопедий и словарей, ОНТИ НКТП СССР, 1937. 976 с.

18. Физический словарь. Т. IV. Падение – Сыпучие тела. М.: Главная редакция технических энциклопедий и словарей, ОНТИ НКТП СССР, 1938. 1184 с.

19. Физический словарь. Т. V. Тагетфон – Ящик Вант-Гоффа. М.: Главная редакция технических энциклопедий и словарей, ОНТИ НКТП СССР, 1939. 1036 с.

References

1. Bachinskii, Aleksei I. and Sergei M. Il'yashenko. *Fizika. Uchebnik dlya remeslennykh i zheleznodorozhnykh uchilishch*. OGIz, Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1941.

2. GARF. F. R-9506. Op. 11. D. 58.

3. Kuznetsov, Ivan V. *Printsip sootvetstviya v sovremennoi fizike i ego filosofskoe znachenie*. OGIz, Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1948.

4. "Kuznetsov Ivan Vasil'evich." *Informatsionnaya sistema "Pamyat'naroda"*, https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer8518936/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%26middle_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D07.09.1911%26static_hash%3Dbfa9be7ab01a1ad6f07b41570d

760449b3573f3600cdbc1aa874

2bd494516397v7%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_card%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Akld_partizan%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%3Asame_rvk%3Asame_guk%3Apotery_knigi_pamyati%26page%3D1%26grouppersons%3D1&. Accessed 1 March 2025.

5. Kuznetsova, Nataliya I. «Vremena ne vybirayut...» K 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.V. Kuznetsova." *Chelovek*, no. 4, 2012, pp. 134–147.

6. Kuznetsova, Raisa Kh. *Unesennye za gorizont*. Novyi khronograf, 2010.

7. Mikhel'son, Vladimir A. *Fizika. T. I. Mekhanika. Molekulyarnaya fizika. Termodinamika*. 9th ed., Gosudarstvennoe ob"edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo NKTP SSSR, Redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938.

8. Mikhel'son, Vladimir A. *Fizika. T. II. Elektrichestvo. Optika. Stroenie atoma*. 9th ed., Gosudarstvennoe ob"edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo NKTP SSSR, Redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938.

9. Mikhel'son, Vladimir A. *Fizika. T. I. Mekhanika, akustika, molekulyarnaya fizika*. 10th ed., OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1939.

10. Mikhel'son, Vladimir A. *Fizika. T. II. Elektrichestvo, optika*. 10th ed., Gosudarstvennoe izdatel'stvo tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1940.

11. Putilov, Konstantin. «Khoroshii uchebnik fiziki.» *Pravda*, no. 93, 4 Apr. 1941, p. 4.

12. RGASPI. F. 17. Op. 100. D. 268364.

13. Semeinyi arkhiv Natalii Ivanovny Kuznetsovoi.

14. *Strana Div: Entsiklopediya Okulovskogo kraya*. Petropolis, 2015.

15. *Fizicheskii slovar'. T. I. Abbe teoriya – Gyugon'o uravnenie*. Glavnaya redaktsiya tekhnicheskikh entsiklopedii i slovarei, ONTI NKTP SSSR, 1936.

16. *Fizicheskii slovar'. T. II. Davlenie vozdukha – Kollektory*. Glavnaya redaktsiya tekhnicheskikh entsiklopedii i slovarei, ONTI NKTP SSSR, 1937.

17. *Fizicheskii slovar'. T. III. Kollimator – Oshibok teoriya*. Glavnaya redaktsiya tekhnicheskikh entsiklopedii i slovarei, ONTI NKTP SSSR, 1937.

18. *Fizicheskii slovar'. T. IV. Padenie – Sypuchie tela*. Glavnaya redaktsiya tekhnicheskikh entsiklopedii i slovarei, ONTI NKTP SSSR, 1938.

19. *Fizicheskii slovar'. T. V. Tagefon – Yashchik Vant-Goffa*. Glavnaya redaktsiya tekhnicheskikh entsiklopedii i slovarei, GONTI NKTP SSSR, 1939.

Сведения об авторах:

Кузнецова Наталия Ивановна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН;

e-mail: cap-cap@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3310-5285>

Созинов Иван Владимирович, научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; e-mail: ivan-sozinov@mail.ru.

<https://orcid.org/0009-0006-2197-878X>

Дата поступления статьи: 20.05.2025

Одобрено: 25.05.2025

Дата публикации: 28.07.2025